

УДК 316,75:2-846(510)

**ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ
В СОВРЕМЕННОЙ КНР: ПРИНЦИПЫ И ТЕНДЕНЦИИ**

Устюгова Анна Георгиевна

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы
(г. Гродно, Беларусь)

Объектом анализа является современная политика КНР в религиозной сфере, факторы, способствующие её актуализации и основные этапы эволюции идей и законодательства. Рассматривается преемственность принципов, важнейшие тенденции и новые акценты в регулировании религиозной сферы.

Развивающийся в 2010-е годы бум религиозности в КНР связан с несколькими внутренними факторами: активностью исламских организаций в Синьцзяне, эскалацией религиозно-политического протестного движения в Тибете, ростом влияния христианских конфессий как элемента западной модели развития и вестернизации культуры. Возрастает воздействие и внешнего фактора в виде активной миссионерской деятельности, проникновения исламизма (из политически нестабильного Афганистана) и тибетского буддизма (через линию индийско-пакистанской границы), которые создают для Китая угрозу не только терроризма и экстремизма, но и сепаратизма.

В связи с распространением протестантизма (кальвинизм, евангелизм) и внедрением доктрины «оправдания верой» особенно остро стала ощущаться проблема сохранения цивилизационной идентичности, которую руководство Китая рассматривает как угрозу национальной безопасности в целом. Возможность оправдания ею всего, в т. ч. нелояльности граждан государству, и далее – перспектива утраты государством контроля над принявшими протестантизм китайскими гражданами, проявились в протестных выступлениях в СУАР, ТАР, Гонконге и др. городах.

В последнее десятилетие активизируется не только религиозная жизнь и религиозный фактор, но и политизация религии. Новая для Китая тенденция развивается на фоне совпадения результатов последовательной политики внешних сил и политики «реформ и открытости» в КНР с её возросшими масштабами культурных обменов, что сопровождалось также постепенным снятием государством запретов в сфере религии. Опасность распространения идей экуменизма и синкретизма, восприятия китайцами новой для них идеи «греха» с возможностью манипуляции поведением человека представляется сегодня реальным «цивилизационным вызовом» для традиционного социума.

Впервые идеи о целесообразности поддержки религиозными кругами социалистического строя и преобразовании религиозной догматики в соответствии с требованиями общественного прогресса прозвучали во второй половине 1990-х годов при Цзян Цзэмине и оформились в теорию «взаимного соответствия религий и социалистического общества». В 2001 г. религия была признана ненаучным мировоззрением и взят курс на контролируруемую интеграцию религиозных общин в жизнь общества. Адаптация религии к социальным изменениям должна осуществляться за счёт внутренних ресурсов силами самих религиозных деятелей и мирян.

При Ху Цзиньтао был добавлен тезис о необходимости «способствовать гармонии религиозных отношений», более заметным стал акцент на повышении роли религиозных общин в социальной поддержке и благотворительности. Наряду с этим происходило совершенствование и государственного регулирования религиозной сферы – сделаны дополнительные шаги по превращению традиционных религий в союзника государства, «мягкую силу», увеличено финансирование их семи общегосударственных организаций. В 2004 г. образован департамент ГУДР для согласования отношений с православием, иудаизмом, народными верованиями, новыми религиозными течениями и сектами.

Однако лишь при Си Цзиньпине религиозная политика приобрела системный характер. В 2013 г. объявлен курс на поддержку традиции и провозглашено

недоверие к западным потребительским ценностям. В 2014 г. в директиве о национальном имидже изложена концепция «триединства великих учений» (конфуцианства, даосизма, ханьского буддизма). К прежнему тезису об адаптации религий к социализму в 2016 г. добавился акцент на придание им национального «стиля». Тема китаизации религий, соединённая с идеей Цзян Цзэминя о «духовном единстве нации», была включена в концепцию «китайской мечты о великом возрождении китайской нации», для достижения которой требуется сплочение верующих и неверующих. В 2017 г. на XIX съезде КПК было подчёркнуто, что важной задачей является сохранение китайской специфики в развитии религий, другими словами все религиозные течения и верования на территории КНР должны «соответствовать социалистическому обществу» и специфике местного общества. Тем самым при тесной взаимосвязи национального и религиозного вопросов в Китае установка на «китаизацию религий» приобрела нормативный характер и вышла на первое место по сравнению с адаптацией, но не отменила её [1, с. 95].

Правовое воплощение политики государства стало заметным с 2016 г., когда Национальная конференция по вопросам религии приняла «Правила регулирования религиозной деятельности». Именно в них жёстко обозначена необходимость предупреждения внешнего подрывного проникновения по религиозным каналам. Произошли кардинальные изменения в системе административного управления этой сферой и усилилась роль КПК – упразднено Государственное управление КНР по делам религий и вошло в состав Отдела единого фронта ЦК КПК (2018 г.), в районах со сложной ситуацией назначаются ответственные лица для работы с общинами верующих [2, с. 117–118].

Государственная религиозная политика обретает все более унифицированные формы и подходы, её законодательная база продолжает совершенствоваться. Важнейшие принципы определены в Конституции (1982 г.) и регулируются Постановлением Госсовета КНР (№ 686 от 26 марта 2017 г.). Они предполагают разделение религии и политики, равенство всех религий, свободу вероисповедания (кроме членов КПК); подчинение церкви законам и государственной политике; ведение религиозной деятельности только в зарегистрированных местах; запрет использования религии в целях создания угрозы для общества и вмешательства в административные дела государства, сферы образования, вопросы брака и деторождения и др. В свою очередь, государство обязуется не принимать участия во внутренних церковных делах, охранять культово-обрядовую деятельность и религиозные институты, пресекать влияние зарубежных религиозных институтов. Однако фактически религиозная свобода для граждан КНР существует лишь в рамках дозволенного – осуществление религиозной деятельности на основе Конституции и законов, то есть добровольное участие в деятельности религиозной общины под контролем официальных религиозных ассоциаций. Государственные структуры, в т.ч. Министерство общественной безопасности КНР, определяют «нормальную» и деструктивную религиозную деятельность, реализуют функцию искоренения «феодалных суеверий» и «еретических учений» [3, с. 55]. Вместе с тем, значительный рост религиозности отмечается именно за пределами контролируемых КПК патриотических ассоциаций, в «теневой» части религиозной сферы.

Взаимодействие религии и политики рассматривается КПК как фактор внутренней безопасности и механизм гармонизации общественных отношений. Согласно новому «Положению о религиозной деятельности» (2018 г.) и «Правилам регулирования религиозных объединений» (2019 г.) установлены более строгие нормы для регистрации и функционирования объединений, учебных заведений и объектов религиозного назначения. Усиливается борьба с неофициальным пластом религиозной сферы, введён запрет открытой демонстрации религиозных обрядов и традиций, закрываются воскресные школы, устанавливаются камеры наблюдения в храмах и мечетях, ужесточается контроль над Интернет-ресурсами религиозного содержания. В условиях наблюдающейся десекуляризации общественной жизни государство большое внимание уделяет превентивному контролю, созданию лояльных религиозных структур и привлечению в госорганы лояльных священнослужителей.

В современной религиозной политике закрепляются тенденции на возрастание в ней руководящей роли КПК, активизацию патриотических религиозных объединений, борьбу с незарегистрированными общинами, усиление контроля над ними, идеологическое воспитание служителей культа, практику религиозного «перевоспитания», сдерживание распространения нетрадиционных религиозных идей.

При этом отношение к религии со стороны государственного аппарата КНР остаётся весьма прагматичным, поскольку учитываются возможные внешнеполитические и внешнеэкономические последствия. Так, политика в отношении ислама во многом соотносится с динамикой связей с рядом арабских стран. Комитет мира китайских религий активно призывает к «согласию религий Азии» и дружеским связям всех верующих азиатского континента [4, с. 188]. Прагматичным целям служит и разделение между легальной и нелегальной религиозной деятельностью, щедрое спонсирование пяти признанных патриотических ассоциаций и их религиозных общин.

В целом, в КНР сложилась стройная система правовых актов и управления религиями. КПК сохраняет контроль над религиозной сферой и вместе с государственными структурами активно утверждает вектор развития религий, оставляя при этом религиозным деятелям пространство для китаизации своих доктрин и целей. Религиозные объединения по-прежнему дифференцируются государством по признаку их политической лояльности, всесторонне и жёстко контролируются. Это в немалой степени позволяет руководству КНР обеспечивать политическую лояльность верующих, сохранять внутреннюю стабильность в условиях нарастающих внешних вызовов и обострения внутренних проблем по итогам периода пандемии covid-19 и связанных с ней кризисных тенденций.

Литература

1. Ломанов, А.В. Адаптация и китаизация: современная религиозная политика руководства КПК / А.В. Ломанов // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (4). – С. 88–105.
2. Афолина, Л.А. Государственное управление КНР по делам религий после административной реформы / Л.А. Афолина // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 3. – С. 106–122.
3. Помелова, Ю.П. Основные принципы реализации религиозной политики КНР в период с XVI по XVIII Всекитайский Съезд КПК / Ю.П. Помелова // Genesis: исторические исследования. – 2022. – № 7. – С. 49–57.
4. Болин, Л.Ю. Анализ религиозной политики / Л.Ю. Болин // Государство. Религия. Церковь. – 2022. – № 2 (40). – С. 179–191.